

ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗСОЕДИНЕНИЕ

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ СОЗНАНІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Y M C A - P R E S S — P A R I S

ГЛАВНЫЯ ДОГМАТИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ СОЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ, появившейся на французскомъ языкѣ и озаглавленной: “Соединеніе или сближеніе христіанскихъ церквей”, я писалъ — “Полное и совершенно внутреннее единеніе между христіанами различныхъ вѣроисповѣданій можетъ быть, какъ намъ кажется, достигнуто только тогда, когда эти христіане признаютъ одни и тѣ же основные принципы христіанской вѣры” (стр. 33). Съ тѣмъ большимъ правомъ это можно сказать о каноническомъ и органическомъ возсоединеніи церквей, которое предполагаетъ въ качествѣ условія *sine qua non* тождество вѣрованій во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, иначе говоря ихъ догматическое единство. Поэтому прежде чѣмъ приступить къ дѣлу соединенія церквей юридически, различныя христіанскія исповѣданія должны сообща изслѣдовать свои основныя догматическія расхожденія; они должны безъ всякой предвзятости искать путей для соглашенія въ вопросахъ вѣры и такимъ образомъ устранить существующія религіозныя перегородки, догматическія и церковныя, которыя ихъ раздѣляютъ и дѣлаютъ ихъ чуждыми другъ другу.

Слѣдовательно, съ православной точки зрѣнія предъ нами прежде всего ставится задача принципиальная: согласіе церквей въ вопросахъ вѣры есть необходимый и единственный путь, который можетъ насъ привести къ единой нераздѣльной церкви первыхъ восьми вѣковъ, къ истинному соединенію церквей.

Безъ этого предварительнаго условія у насъ могутъ быть конгрессы, называемые христіанскими, или конференціи, называемыя интерконфессиональными, но не будетъ

истинныхъ вселенскихъ христіанскихъ соборовъ (экуменическихъ), въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимался въ эпоху семи вселенскихъ соборовъ и какъ онъ сохраняется до извѣстной степени и теперь для обозначенія аналогичныхъ церковныхъ собраній православныхъ. Христіанскія конференціи нашего времени — это собранія инакомыслящихъ христіанъ, которые исповѣдуютъ различныя христіанскія ученія и принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Члены каждаго такого исповѣданія считаютъ именно его христіанскимъ. Конференціи эти собираются для обмена мыслей, для обсуждения религіозныхъ, церковныхъ и общественныхъ дѣлъ. Съ точки зрѣнія православныхъ такое собраніе мало чѣмъ отличается и по своему составу и по своей религіозной цѣнности отъ различныхъ мірскихъ политическихъ, научныхъ и другихъ собраній и это независимо отъ достигнутыхъ практическихъ или теоретическихъ результатовъ. На это мнѣ могутъ возразить, что всѣ эти христіанскія собранія не что иное, какъ переходная и подготовительная ступень, а ни въ коемъ случаѣ не официальный шагъ. Но не забудьте, что я здѣсь говорю о церковной и религіозной цѣнности такихъ собраній.

Совершенно иное дѣло, если имѣется согласіе во всѣхъ главныхъ догматическихъ положеніяхъ, единство вѣры, — въ этомъ случаѣ собраніе христіанъ становится *ipso iure* священнымъ собраніемъ, соборомъ, къ которому могутъ быть отнесены слова св. Кирилла Александрійскаго, сказанныя объ отцахъ церкви перваго Никейскаго собора: “Когда отцы церкви произносили непогрѣшимыя опредѣленія вѣры, то говорили они благодатью Духа Святаго, вдохновляющаго ихъ. Ибо согласно словамъ Спасителя, не они говорили, но Духъ Бога и Отца глагола въ нихъ” (1).

Безъ предварительнаго догматическаго согласія невозможно церковное единеніе членовъ и группъ различныхъ существующихъ нынѣ вѣроисповѣданій — а таковыхъ легіонъ, — невозможно свободное и успѣшное сотрудничество разныхъ христіанскихъ церквей съ церковью православной, не смущаемое религіознымъ или каноническимъ разногласіемъ; однимъ словомъ, — безъ него каноническое соеди-

неніе останется навсегда абсолютной невозможностью. Св. Іоаннъ Златоустъ, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ выразителей православнаго духа сказалъ: “Единеніе существуетъ только тогда, если мы всѣ исповѣдуемъ одну и ту же вѣру”.(2) И что бы ни говорили другіе, безъ единства вѣры не будетъ столь желаннаго соединенія церквей, будетъ только церковный хаосъ. Уже не разъ предлагалось каноническое и органическое соединеніе безъ единства догматическаго. Такого рода соединеніе основывается на томъ, чтобъ рядомъ другъ съ другомъ оставлять самыя противоположныя доктрины, не стремясь ни измѣнить, ни примирить ихъ, и предоставляя каждому свободу выбора. Въ вышеупомянутой брошюрѣ я писалъ (стр. 28): “въ серединѣ XVII в. нѣмецкій богословъ, Каликстъ, имѣвшій большое вліяніе въ свое время, училъ, что ни одна изъ трехъ церквей — православная, католическая и протестантская — не могутъ себя считать непогрѣшимыми и не нуждающимися въ реформахъ”. Такого рода мысли, добавлю я, и теперь вдохновляютъ многихъ духовныхъ лицъ въ Англіи и въ особенности въ Америкѣ. Они требуютъ соединенія и даже сліянія церквей, безъ того, чтобы какая нибудь изъ нихъ могла вмѣшиваться путемъ ли убѣжденія, или другимъ какимъ путемъ, въ область догматическаго ученія другой. Такого рода общеніе (Ibid 31) не старается добиться органическаго сліянія, но просто оставляетъ рядомъ различныя доктрины, ни въ чемъ ихъ не измѣняя. Такого рода соединеніе мы назвали “неорганическимъ”. Въ сущности, это не что иное, какъ теорія “complementariness” нѣкоторыхъ англиканскихъ богослововъ (3). Примѣненіе такой системы привело бы не къ внутреннему духовному сближенію и соединенію церквей, но къ разложенію и хаосу. Конечно, когда дѣло касается какого либо коммерческаго, политическаго или социальнаго вопроса, то возможно достигнуть единенія сторонъ, возможно согласовать различныя доктрины и системы, насколько это требуется совмѣстной работой, безъ того, чтобы различныя системы, партіи или лица приносили въ жертву свои основные принципы. Но церковь Христова, хотя она тоже имѣетъ свою человѣческую сторону, (4) не мо-

жетъ отождествляться съ чисто человѣческими учрежденіями; иначе она не можетъ разсматриваться, какъ богоустановленная. Поэтому ея единеніе должно носить совершенно иной характеръ. Ему необходимо должно предшествовать единство вѣры, единство догматическое, дабы всѣ были едино (Іоаннъ, 17,21). Въ отчетѣ делегаціи Вселенской Константинопольской Патріархіи (5), посланной на конференцію въ Lambeth въ 1920 г., между прочимъ, мы читаемъ слѣдующія слова: “Во время нашего пребыванія въ Англіи мы убѣдились, какъ и раньше были убѣждены, что чрезмѣрная широта, вѣротерпимость и снисходительность, выраженные (православными) по поводу инославныхъ догматическихъ убѣжденій и общенія въ таинствахъ, безъ предварительнаго соглашенія и объединенія въ догмѣ и ученіи, не могутъ привести къ вѣрному и спасительному соединенію церквей” (6).

Святѣйшій Синодъ той же патріархіи въ письмѣ, обращенномъ къ богемскимъ христіанамъ въ 1452 г. (18 января, XV указаніе), желавшимъ присоединиться къ Константинопольской Церкви, выразился слѣдующимъ образомъ: “Да сподобитъ васъ Господь прославлять Его съ нами едиными устами и единымъ сердцемъ, признавая тѣ же догматы и тѣ же нравы, въ дому той же церкви во вѣки вѣковъ”. (7).

Такимъ образомъ мы видимъ, что для православной церкви первая задача, задача первенствующей важности для соединенія церквей это необходимость единства въ вѣрѣ. Какія же съ этой стороны главныя конкретныя догматическія затрудненія являются серьезнымъ препятствіемъ для соединенія церквей?

Субъективное усвоеніе дѣла спасенія, объективно совершеннаго Іисусомъ Христомъ, даетъ ключъ къ догматическимъ разногласіямъ между православной церковью съ одной стороны и всѣми другими церквами, въ особенности церквами протестантскими, съ другой.

Для православныхъ церквей есть божественное установленіе, въ которомъ продолжается осуществляться субъективное усвоеніе даровъ, исходящихъ изъ Жертвы Крестной. Слѣдовательно на церковь какъ на “конкретное прояв-

леніе христіанства” (8), надо смотрѣть, какъ на “воплощенное Слово Божіе”. Въ этомъ смыслѣ церковь не менѣ чѣмъ самъ Іисусъ Христосъ выражаетъ дѣло искупленія. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: “Черезъ церковь (воплощенное Слово) тайна божественнаго произволенія стала намъ извѣстна, тайна, сокрытая даже отъ ангеловъ”. (9)

Почти всѣ догматическіе вопросы, относящіеся къ соединенію церквей, могутъ быть разрѣшаемы какъ вытекающіе изъ понятія церкви. Изслѣдуемъ поэтому что такое Церковь —

- а. въ ея строго богословскомъ значеніи;
- в. въ ея отношеніи къ іерархіи (Священству);
- с. какъ установленіе, хранящее божественную благодать, освящающую вѣрныхъ посредствомъ таинства;
- д. какъ хранилище откровенія въ его двойномъ содержаніи: священнаго писанія и священнаго преданія.

а. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія признаютъ божественное установленіе церкви, но не всѣ одинаково мыслятъ о ея природѣ и ея свойствахъ. Именно въ этомъ вопросѣ мы продолжаемъ и впредь видѣть, какъ и раньше видѣли, пропасть, отдѣляющую православную церковь отъ другихъ церквей, особенно отъ церквей протестантскихъ. Во время совѣщанія World Conference on Faith and Order созваннаго въ Лозаннѣ въ августѣ 1927 г., делегация православныхъ церквей заявила опредѣленно, что она не можетъ принять двѣ главы отчета комиссіи, названной *ad hoc* ‘Природа церкви и общее исповѣданіе вѣры’ (10).

Православные смотрятъ на церковь, какъ на Богомъ установленное общество, какъ на “Тѣло Христово” на общество, состоящее изъ вѣрныхъ, соединенныхъ исповѣданіемъ единой вѣры, участіемъ въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ, подчиненіемъ единой іерархіи. Мы уже говорили, что церковь въ качествѣ Тѣла Христова неразрывно связана съ тайной искупленія и святой Евхаристіей. Непрерываемое дѣйствіе тайны искупленія въ царствѣ божественной благодати есть не что иное, какъ дѣло воинствующей церкви. Тайна церкви, мистическаго Тѣла Христова, есть продолженіе тайны Христа-Богочеловѣка.

Въ этомъ опредѣленіи церковь представляется, какъ органическое тѣло, обладающее видимыми составными частями. Эти части суть: 1. Самъ ея Основатель Воплощенное Слово, какъ историческое лицо; 2. вѣрные, въ качествѣ ея членовъ; 3. іерархія; 4. оощущаемое дѣйствіе таинствъ; 5. единый символъ вѣры, какъ внѣшнее выраженіе общей вѣры, ибо “сердцемъ вѣрують къ праведности, а устами исповѣдуютъ ко спасенію” (Рим. X, 10). Слѣдовательно церковь есть обитель спасенія, потому что она есть “столпъ и утвержденіе истины” (1 Тим. III, 15). Св. Иринеи учитъ, что только церковь обладаетъ полнотою истины, обладаетъ ею непрестанно и проповѣдуютъ ее непрерывно. Ею руководить Духъ святой, и Она обладаетъ божественнымъ авторитетомъ. Слѣдовательно, только у нея надо искать истину. (11) Св. Киприанъ говоря о томъ же пишетъ: “ubi Ecclesia, ibi est spiritus Dei, ubi spiritus Dei illic Ecclesia et Domini gratia... nec perveniet ad Christi praemia qui relinquit Ecclesiam Christi; alienus est, profanus est, hostis est; (12). Оригенъ настаиваетъ на томъ, что желающій спастись, необходимо долженъ быть членомъ церкви. Церковь же можетъ включать не только праведниковъ, но и грѣшниковъ: «Si qui ergo salvari vult veniet in hanc domum... Nemo ergo sibi persuadet, nemo semetipsum decipiat: *extra hanc domum, id est extra Ecclesiam nemo salvatur.* (13).

Святой Іоаннъ Златоустъ училъ о церкви слѣдующимъ образомъ: “Церковь спасеніе наше, (14) ибо въ ней обитаетъ Духъ Святой, который направитъ насъ ко всякой истинѣ” (15). “Отдѣленные отъ этого тѣла, невидимый глава котораго есть Іисусъ Христосъ, мы удаляемся и отъ братьевъ нашихъ”. “Поэтому если мы хотимъ усладиться Духомъ, исходящимъ отъ Главы (Христа), то будемъ вмѣстѣ” (16).

Этому православному понятію Церкви, согласно которому она содержитъ въ себѣ сокровища благодати и истины, согласно которому она обладаетъ единствомъ, святостью, вселенскостью, каѳоличностью и апостольствомъ — обладаетъ богоустановленной іерархіей и непогрѣшимымъ авторитетомъ, безъ чего она не могла бы существовать —

этому понятію противопоставляется протестантское понятіе Церкви.

Съ протестантской точки зрѣнія церковь есть общеніе святыхъ, везъ всякой іерархіи или авторитета. Она: "*Societas fidei et spiriti Sancti in cordibus*". (Apol. 144). Атрибуты, по которымъ можно узнать эту Церковь, суть: чистота евангельской проповѣди и вѣрность въ совершеніи таинствъ (Conf. Aug. n. 7). Согласно протестантскому ученію каждый христіанинъ самъ совершаетъ свое спасеніе единственно вѣрою, не нуждаясь для этого ни въ какихъ посредникахъ. Это привело къ расцвѣту индивидуализма и создало главное препятствіе къ соединенію церквей. Безъ авторитета нѣтъ единства, а безъ единства побѣждаетъ хаосъ и смѣшеніе. Протестантскій богословъ Мартенсонъ писалъ: "Свободное развитіе, которое остается закономъ бытія Церкви, — это оно влечетъ за собою возможность столь различнаго и даже противорѣчиваго пониманія событій. Покуда будетъ продолжаться это свободное развитіе, возможно будетъ спорить о томъ, гдѣ находится истинная церковь, причемъ ни одна изъ спорящихъ сторонъ не сможетъ дать рѣшающаго доказательства" (17).

Теорія протестантовъ, создающихъ невидимую идеальную церковь, нанесла тяжелый ударъ тому понятію церкви, которое было принято и развито отцами церкви. Въ вышеприведенной статьѣ своей я писалъ (стр. 20): "Уничтоживъ всякій внѣшній авторитетъ, протестантизмъ тѣмъ самымъ изъясилъ изъ христіанской религіи всякій элементъ соборности; онъ превратилъ ее въ индивидуальную религію, въ церковь, которая уже не есть *ἐκκλησία* (собрание многихъ). Характерныя слова матери регента: "каждый творитъ себѣ свою отдѣльную религію" — очень подходятъ къ протестантизму. "Нѣтъ ничего болѣе протестантскаго" — сказалъ Брюнетіеръ въ своемъ трудѣ, «*Discours de combat, utilisation du positivisme*» (р. 187). И если протестантизмъ, добавлю я, еще существуетъ какъ церковь, то это только оттого, что его послѣдователи не дѣлаютъ изъ системы протестантизма всѣхъ прямыхъ и естественныхъ выводовъ. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ нашего тезиса является

заглавіе одной статьи, появившейся въ журналѣ *Neue Kirchliche Zeitschrift*. Вотъ это заглавіе: «Die Heilmittel der lutherischen Kirche gegen den unkirchlichen Subjectivismus unserer Zeit». «Цѣлебныя средства Лютеранской Церкви противъ не-церковнаго субъективизма нашихъ дней».

Но, если дѣло соединенія парализуется раціонализмомъ и крайнимъ субъективизмомъ протестантовъ, оно съ другой стороны удушается обособленностью и абсолютизмомъ Римской церкви. Въ настоящее время система папизма возведена въ догматъ. Слѣдовательно, здѣсь мы встрѣчаемся съ догматическимъ расхожденіемъ, съ одной изъ главныхъ преградъ къ соединенію нашей церкви съ церковью Римской. Но къ этому мы еще вернемся позже.

в. Давая православное опредѣленіе церкви, мы упомянули объ іерархіи, какъ объ одной изъ существенныхъ составныхъ частей этого божественнаго установленія. Нельзя себѣ представить церковь безъ священства (іерархіи). Св. Игнатій Антиохійскій считалъ священство необходимой частью церкви какъ Тѣла Христова. Онъ говоритъ: «Безъ нихъ (епископа, священника, діакона) нельзя говорить о церкви» (18).

Св. Кипріанъ въ своемъ LXIX посланіи приводитъ слѣдующія характерныя слова: «Знай, что епископъ въ церкви, и церковь въ епископѣ» (19).

По слову Св. Іоанна Златоуста, этого истиннаго истолкователя Православія, «священникъ есть посредникъ между Богомъ и человѣческой природой» (20). «Если бы Богъ не дѣйствовалъ черезъ него (священника), ты не получилъ бы крещенія, ты не участвовалъ бы въ святомъ причащеніи, ты не получалъ бы благословенія, и слѣдовательно, ты не былъ бы христіаниномъ» (21).

Лица, облеченныя священнической властью, продолжаютъ дѣло Спасителя въ качествѣ его преемниковъ. Богъ не хотѣлъ оставлять христіанъ какъ бы покинутыми (22). Въ одномъ изъ своихъ твореній знаменитый Константинопольскій патріархъ особенно подчеркиваетъ тѣсную связь существующую между іерархіей (священствомъ) и двумя

главными таинствами: крещеніемъ и Евхаристіей: “Такъ какъ никто не можетъ войти въ царствіе небесное, не родившись снова водою и Духомъ, и такъ какъ всякій не ядущій Тѣла и не піющій Крови Господа Нашего Іисуса Христа будетъ изверженъ изъ жизни вѣчной; и такъ какъ все сіе можетъ твориться лишь святыми руками священника, — то какимъ образомъ можно было бы безъ нихъ (безъ рукъ священника) избѣгнуть геенны огненной, или получить вѣнецъ уготованный намъ?” (23).

Изъ всего сказаннаго нами о православномъ понятіи священства становится яснымъ: что священство есть божественное установленіе, что оно составляетъ неотъемлемую часть общаго понятія церкви; что же касается того лица, которое удостоивается этой сверхъестественной чести, то оно получаетъ ее отъ Бога посредствомъ наложенія рукъ епископа, т. е. черезъ таинство хиротоніи. То же самое мы читаемъ въ исповѣданіи вѣры Могила (quest. A. 109) и въ исповѣданіи вѣры Доссифея (definit. 10) (24).

Не трудно, слѣдовательно, убѣдиться въ громадной разницѣ существующей между православнымъ и протестантскимъ и даже англиканскимъ понятіемъ церкви. Царское священство протестантовъ ихъ раздѣленіе священническаго достоинства на двѣ части: на пастырство и священство, изъ которыхъ первое принадлежитъ всѣмъ вѣрнымъ и протекаетъ отъ Бога, тогда какъ второе даруется лишь нѣкоторымъ посредствомъ выборовъ *jure humani* — все это не имѣетъ ничего общаго съ православнымъ священствомъ. Когда захотятъ серьезно приступить къ соединенію церквей протестантскихъ съ церковью православной, здѣсь окажется громадный пробѣлъ, который придется заполнить.

Но въ томъ же вопросѣ мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ при соединеніи католической церкви съ православной. Дѣло касается церковнаго и религіознаго положенія папы. Сверхъ тѣхъ трехъ степеней священства — епископъ, священникъ, діаконъ — признанныхъ православной церковью какъ божественное установленіе, католическая церковь признаетъ еще четвертую, высшую степень, которой подвластны всѣ другія: это папское достоинство, пре-

тендующее на божественное установление и на догматъ непогрѣшимости. Знаменитый Эд. Деллингеръ говорилъ на своихъ извѣстныхъ лекціяхъ въ Мюнхенѣ, что главнымъ камнемъ преткновенія для соединенія церквей будетъ папство въ его ультрамонтанской формѣ, иначе говоря, абсолютно владычество епископа Римскаго. Критопуло пишетъ въ своемъ исповѣданіи вѣры: “Никогда вселенская (каѳолическая) церковь не считала, что человѣкъ смертный и одновременный многочисленными грѣхами можетъ назвать себя главою церкви” (25). Наша церковь учитъ, что видимый глава каждой отдѣльной церкви это ея епископъ, а видимый глава единой вселенской церкви это соборъ епископовъ.

с. Излагая православное понятіе о церкви, мы упомянули о “святости” ея. Мы вѣримъ во святую соборную (каѳолическую) и апостольскую церковь. Церковь освящаетъ своихъ членовъ Духомъ Святымъ, который оживотворяетъ ее и руководитъ ею. Она сокровищница благодати, сообщаемой вѣрнымъ посредствомъ таинствъ. Благодать и ея дѣйствіе для спасенія вѣрныхъ, отношеніе ея къ человѣческой свободѣ, участвующей или не участвующей въ дѣлѣ спасенія, — всѣ эти спорные догматическіе вопросы, приводящіе къ догматической розни между различными церквями, являются препятствіями для соединенія церквей, и притомъ такими, которыя порою кажутся непреодолимыми

Православная Церковь признаетъ, что для спасенія человѣка необходимо воздѣйствіе божественной благодати: она учитъ, что природный человѣкъ самъ по себѣ не можетъ стать достойнымъ божественной благодати, и только благодатное воздѣйствіе Того, “который хочетъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли”, можетъ пробудить человѣка и заставить его искать спасенія. Но съ другой стороны наша Церковь не умаляетъ участія человѣка въ спасеніи: человѣкъ остается свободнымъ принять или отринуть благодать, этотъ даръ, предложенный ему Богомъ. Досифей пишетъ (26): “Мы такъ учимъ о свободѣ выбора: просвѣщающая насъ божественная благодать (мы также называемъ ее предшествующей) дарована намъ божествен-

ной благостью, какъ свѣтъ находящимся во тьмѣ; но она дается тьмѣ, кто готовъ ей подчиниться и принять все, что необходимо для спасенія, — ибо она пользуется не тѣхъ, которые ея не хотятъ, но тѣхъ, которые ее хотятъ”. (III-е опредѣленіе). Поэтому не надо смотрѣть на человѣка, какъ на пассивное орудіе въ дѣлѣ спасенія, а наоборотъ, какъ на болѣе или менѣе важный, активный факторъ. Изъ этого слѣдуетъ, что добрыя дѣла ни въ коемъ случаѣ не бесполезны, но, напротивъ, необходимы, какъ плодъ свободно воспринятой вѣры. Протестанты же учатъ, что Духъ Святой не только производитъ въ насъ хотѣніе, но и само дѣйствіе.

Принципы Православной Церкви не позволяютъ ей признать догмата предопредѣленія избранныхъ и осужденныхъ этого “*terribile decretum*”. Эта кальвинистическая доктрина входитъ также, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, въ составъ 39 пунктовъ формальнаго исповѣданія вѣры англиканской церкви (пунктъ 17). Впрочемъ, это не препятствуетъ многимъ англиканскимъ богословамъ, принадлежащимъ къ Оксфордской школѣ англо-католиковъ, отвергать этотъ догматъ. Конечно, протестанты до такой степени обостряютъ послѣдствія первороднаго грѣха и нравственное поврежденіе человѣка послѣ грѣхопаденія, что они представляютъ природнаго человѣка совершенно неспособнымъ сдѣлать малѣйшее усиліе для своего спасенія. Поэтому въ извѣстномъ смыслѣ все происходитъ отъ Бога, все сводится къ Его произволу, къ Его власти, или, точнѣе, къ Его свободному рѣшенію. Православная церковь такъ же, какъ и католическая, не согласна съ кальвинистическимъ и вообще протестантскимъ ученіемъ о послѣдствіяхъ первороднаго грѣха и о путяхъ оправданія. Преувеличивая роль божественнаго дѣйствія, и въ особенности идею оправданія вѣрою, протестанты свели на-нѣтъ роль человѣческаго участія въ дѣлѣ своего спасенія. Я не буду здѣсь настаивать на разницѣ, существующей между благодатью въ собственномъ смыслѣ и нравственнымъ вліяніемъ слова Божія; не буду говорить о склонности нѣкоторыхъ протестантовъ смѣшивать дѣйствіе божественной благодати съ нравствен-

нымъ и сверхъестественнымъ дѣйствиємъ Слова Божія. Я считаю, что во всѣхъ этихъ вопросахъ можно было бы придти къ соглашенію безъ особыхъ затрудненій.

Божественная благодать сообщается вѣрнымъ также и посредствомъ таинствъ. Я назову здѣсь лишь три самыхъ главныхъ: крещеніе, Евхаристію и священство. Долженъ тутъ же оговориться, что къ несчастію всѣ христіанскія церкви разнo смотрятъ и на природу таинствъ и на способъ совершенія, и на число ихъ. Съ православной точки зрѣнія, таинства суть установленныя Богомъ священныя дѣйствія, имѣющія видимую и осязательную форму, и сообщающія вѣрнымъ спасительную божественную силу, иначе говоря, божественную благодать. Досифей говоритъ (27): “Таинства содержатъ въ себѣ природный и сверхъприродный элементъ; они не являются простыми знаками божественныхъ обѣтованій. Если бы это было такъ, то не было бы никакой разницы между ними и обрѣзаніемъ; что можетъ быть болѣе жалкимъ, нежели это?”

Мы, напротивъ, исповѣдуемъ, что таинства являются для посвященныхъ дѣйствительными и необходимыми орудіями благодати.

Что касается протестантовъ, въ особенности реформатовъ и другихъ раціоналистическихъ сектъ, то для нихъ таинства являются лишь знаками божественныхъ обѣтованій, стоящими ниже по своему значенію, нежели Слово Божіе; или — всего только “благочестивыми обрядами, сохранившимися изъ уваженія къ древности”. Въ силу порядка идей, которому мы здѣсь слѣдуемъ, понятіе о таинствахъ и мнѣніе объ ихъ природѣ будетъ зависѣть отъ понятія Церкви въ каждомъ вѣроисповѣданіи или у cadaго христіанина. Поэтому опредѣленіе понятія “церкви” укажетъ намъ и степень необходимости таинствъ.

Что же касается отношеній, существующихъ между таинствами и священнослужителями, совершающими ихъ, то православная церковь учитъ, что “все во власти Божьей”. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: “Не было бы ни крещенія, ни Тѣла Христова, ни просфоръ, совершаемыхъ ими (свя-

ценниками), если бы благодать всегда зависѣла отъ ихъ личного совершенства” (28).

И все же, твердое намѣреніе священника совершить таинство является необходимымъ условіемъ его дѣйствительности, ибо иначе человѣкъ, облеченный достоинствомъ священства, былъ бы обращенъ въ неодушевленное орудіе, въ машину, а это было бы недостойно величія священныхъ дѣйствій, опирающихся на божественное установленіе.

Мы уже говорили о той тѣсной связи, которая, согласно мнѣнію Святаго Іоанна Златоуста и всей православной Церкви, существуетъ между священствомъ, съ одной стороны, и крещеніемъ и Евхаристіей, съ другой. Эти два таинства столь тѣсно связанные со священствомъ, обладаютъ совершенно исключительной важностью для основанія и существованія христіанской церкви. Въ вышеприведенномъ трудѣ я писалъ: “Если два первыхъ таинства (крещеніе и Евхаристія) входятъ въ составъ самой сущности христіанства, то и третье — рукоположеніе, является необходимымъ его элементомъ”. Такъ-какъ я уже выше говорилъ о таинствѣ рукоположенія, то здѣсь ограничусь разборомъ лишь двухъ другихъ таинствъ, крещенія и Евхаристіи, которыя такъ часто были предметомъ споровъ и борьбы между богословами различныхъ церквей, особенно послѣ великой реформы. Если бы удалось добиться согласія различныхъ христіанскихъ церквей по вопросу о природѣ и дѣйствии этихъ двухъ таинствъ, то догматическое сближеніе и дѣло соединенія церквей было бы значительно облегчено.

Въ маломъ катехизисѣ Лютера мы читаемъ, что крещеніе состоитъ въ мистическомъ соединеніи воды и божественнаго слова. Это соединеніе даетъ силу производить очищеніе грѣховъ и второе рожденіе. Цвингли видитъ въ крещеніи прежде всего ритуаль, вводящій въ церковное общеніе и являющійся символомъ благодати; крещеніе указываетъ на благодать, но оно не сообщаетъ благодати. Кальвинъ учитъ, что это таинство есть залогъ, печать и обѣтованіе возрожденія, обѣщаннаго вѣрующимъ. Квакеры вѣрные своему принципу отбрасывать всѣ внѣшніе зна-

ки и дѣйствія, не совершаютъ внѣшняго ритуала крещенія. Крайніе либералы (раціоналисты) признають за нимъ лишь педагогическое значеніе.

Мы уже говорили, что протестанты, согласно своему ученію о состояніи природнаго человѣка послѣ грѣхопаденія и объ оправданіи вѣрою, расходятся съ православными въ оцѣнкѣ сверхъестественныхъ послѣдствій и плодовъ этого таинства, называемаго по-гречески *λουτρόν παλιγγενεσίας* (баня возрожденія).

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: “Велика сила крещенія, преображающая того, кто вкусилъ отъ сего дара Духа Святаго, и какъ бы не позволяющая человѣку сставаться только человѣкомъ” (29).

Анализируя мысль великаго Константинопольскаго Патріарха, мы усматриваемъ двойное дѣйствіе крещенія: отрицательное и положительное. Первое состоитъ въ томъ, что крещеніе аннулируетъ состояніе первороднаго грѣха, а также личные грѣхи, снимая вину съ человѣка, и, такъ сказать, уничтожая тѣло грѣховное. Второе дѣйствіе сообщаетъ крещаемому дары усыновленія: “Вы приняли Духа у с ы н о в л е н і я, Которымъ взываемъ Авва Отче” (Рим. VIII, 15), и духа жизни вѣчной, оживляющаго душу и укрѣпляющаго вѣру въ Бога, надежду и любовь (30).

Въ своемъ исповѣданіи вѣры Досифей утверждаетъ: “Плоды крещенія суть: 1) прощеніе первороднаго грѣха и грѣховъ совершенныхъ самимъ крещаемымъ; 2) избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ, присужденныхъ ему въ силу первороднаго грѣха и личныхъ прегрѣшеній противъ правды божественной и, въ 3) крещеніе даруетъ безсмертіе; нельзя утверждать, что какіе либо грѣхи остаются безъ прощенія; даже грѣхи, совершенные до крещенія, теряють свою силу” (31).

Протестанты же, придерживаясь своего ученія объ оправданіи вѣрою, считаютъ, что крещеніе не уничтожаетъ самой сущности первороднаго грѣха, совершеннаго Адамомъ; крещеніе лишь снимаетъ вину человѣка передъ Богомъ, вину, которая лежитъ на немъ, какъ въ силу первороднаго грѣха, такъ и въ силу своихъ личныхъ грѣховъ.

Но сущность грѣха остается: это похоть. Такимъ образомъ получается, что крещеніе не имѣетъ силы сдѣлать человѣка святымъ и праведнымъ передъ Богомъ (32).

Несмотря на всѣ эти разногласія въ чрезвычайно важныхъ вопросахъ вѣры, все же существуетъ много догматическихъ точекъ соприкосновенія между ученіемъ православной церкви, съ одной стороны, и ученіемъ церковей католической, англиканской и протестантской, съ другой. Поэтому наша церковь и признаетъ дѣйствительность протестантскаго крещенія (кальвинистовъ и лютеранъ). Въ самомъ дѣлѣ, истинное крещеніе есть то, которое совершается во имя Отца и Сына и Святаго Духа; а потому не трудно будетъ, какъ мы надѣемся, придти къ соглашенію по поводу вышеупомянутыхъ догматическихъ разногласій относительно крещенія. Святой Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ:

“Креститься надлежитъ, по слову Господа Нашего, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, воспринявъ исповѣданіе, относящееся къ Отцу и Сыну и Святому Духу” (33).

Но главное препятствіе къ соединенію церковей всегда происходитъ отъ различія системы, принятой протестантскими церквами и отчасти англиканской церковью — въ своихъ религіозныхъ и церковныхъ убѣжденіяхъ. Вся настоящая статья посвящена этимъ различіямъ. Они выступаютъ съ очевидностью и въ таинствѣ святой Евхаристіи.

Это — второе таинство, которое также тѣсно связано со священствомъ и вообще съ православнымъ понятіемъ церкви.

Догматическое разногласіе въ этомъ вопросѣ касается двухъ пунктовъ: 1) Евхаристіи, какъ таинства, и 2) Евхаристіи, какъ искупительной жертвы.

Православная Церковь, въ согласіи съ Римско-Католической, признаетъ реальное присутствіе Христа въ Святой Евхаристіи, превращеніе хлѣба и вина въ Плоть и Кровь Іисуса Христа, иначе говоря, утверждаетъ п р е с у щ е с т в л е н і е, тогда какъ лютеране отрицаютъ реальное присутствіе Господа и признаютъ только “*impanatio*”, ду-

ховное присутствіе нашего Спасителя (consubstantiatio). Кальвинисты же видятъ въ этомъ таинствѣ лишь воспоминаніе о Тайной Вечери (сіе творите въ Мое воспоминаніе. Лука XXII, 19). Нѣкоторые англиканскіе богословы отрицали природу искупительной жертвы въ таинствѣ Евхаристіи; но болѣе выдающіеся среди нихъ признали свойство “искупительности” въ этомъ таинствѣ. Къ тому же архіепископы англиканской церкви официально и торжественно признали эту православную истину въ своемъ отвѣтѣ на буллу Папы Льва XIII (1897) (34). Что же касается англиканскаго ученія о “пресуществленіи” — оно никогда не было ясно выражено. Впрочемъ, англикане обычно обнаруживаютъ большую эластичность въ обсужденіи съ другими церквами своихъ догматическихъ разногласій. Православная Церковь устами Св. Іоанна Дамаскина учитъ о пресуществленіи слѣдующимъ образомъ: “Приносимый хлѣбъ, такъ же, какъ вино и вода, сверхъестественнымъ образомъ превращаются посредствомъ призванія и нисхожденія Духа Святаго въ Тѣло и Кровь Христа; они уже не двое, но одно” (35). Ту же мысль выражаетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря: «Дары, предстоящія намъ, не дѣло человѣческихъ рукъ. Тотъ, Кто создалъ ихъ на Вечери, Самъ дѣйствуетъ въ нихъ. Одинъ и тотъ же есть освящающій и пресуществляющій ихъ” (36).

Что же касается принесенной въ Евхаристіи жертвы, Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: “И теперь опять мы приносимъ ту же жертву, которая была принесена на Голгофѣ, и которая никогда не перестаетъ совершаться” (37). Это продолженіе великой Голгофской жертвы и есть то, благодаря чему Церковь никогда не лишена сверхъестественныхъ даровъ, исходящихъ отъ Креста. Исповѣданіе православной вѣры (Могила, вопросъ А 107) говоритъ: “Это таинство предлагается, какъ жертва за всѣхъ православныхъ, живыхъ и мертвыхъ; жертва, которая не перестанетъ совершаться до страшнаго суда” (38). “Таинство Тайной Вечери называется причащеніемъ” — читаемъ мы у св. Іоанна Дамаскина, — “потому что черезъ него мы становимся причастными къ божественности Іисуса Христа; оно также называется

пріобщеніемъ *κοινωνία* и поистинѣ оно такъ и есть, ибо черезъ это таинство мы пріобщаемся ко Христу, Его плоти и Божеству. Этимъ же таинствомъ мы соединяемся другъ съ другомъ; ибо вкушая отъ одного хлѣба, мы всѣ становимся Тѣломъ Христовымъ и членами другъ для друга”.

Затѣмъ слѣдуетъ заключительная мысль этого отца церкви, имѣющая большое значеніе для православныхъ въ вопросѣ объ общеніи съ инославными (проблема интерконфессионализма). Приводимъ подлинныя слова Св. Іоанна: “Мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы уберечься отъ пріятія причащенія изъ рукъ еретиковъ и отъ дарованія имъ нашего причащенія, чтобы не быть участниками въ ихъ ложныхъ мнѣніяхъ и въ ихъ осужденіи. Ибо если здѣсь происходитъ единеніе со Христомъ и единеніе другъ съ другомъ, то во всякомъ случаѣ мы будемъ соединяться со всѣми, причащающимися вмѣстѣ съ нами” (39).

Я привелъ эти слова Св. Іоанна Златоуста, чтобы съ особой отчетливостью показать, какое важное мѣсто, съ православной точки зрѣнія, занимаетъ Святая Евхаристія въ дѣлѣ соединенія христіанскихъ церквей. Здѣсь передъ нами проблема, чреватая опасными послѣдствіями — особенно для православныхъ.

Однако, для того, чтобы Евхаристія обладала указанными свойствами и дѣйствіемъ, необходимо, чтобы ее совершалъ истинный священнослужитель и, слѣдовательно, въ истинной церкви, въ которой дѣйствуетъ божественная благодать. Въ такой церкви непогрѣшимой и руководимой Духомъ Святымъ, можно найти истинное объясненіе божественнаго откровенія, т. е. священнаго писанія и священнаго преданія. Но въ основу протестантской церкви легло свободное толкованіе библіи и отрицаніе преданія; поэтому мы предвидимъ съ этой стороны большія затрудненія для соединенія протестантской и православной церквей.

Уже Климентъ Александрійскій писалъ относительно обязательности подчиненія православнымъ догмамъ и считалъ отверженіе церковнаго преданія и слѣдованіе человѣческимъ мнѣніямъ признакомъ ереси (Col 532) (40). О значеніи преданія и его равноцѣнности съ писаніемъ Св. Ва-

силій писалъ: “Говоримъ ли мы о преданіи? Ничего большаго не ищи. Только двумя способами сохраняются въ Церкви догматы и ученія: писанымъ словомъ и тѣмъ, которое дошло до насъ черезъ апостольское преданіе” (41). По словамъ Св. Іоанна Златоуста: “Апостолы многое (изъ ученія) передали черезъ неписанное преданіе” (42).

Отцы Церкви, собравшіеся на Константинопольскомъ Соборѣ въ 869 году, чтобы обличить ересь Фотія, запечатлѣли въ первомъ канонѣ слѣдующую истину: “Мы объявляемъ, что желаемъ сохранять и соблюдать законы, переданные католической и апостольской церкви святыми и славными апостолами, или православными соборами, вселенскими и помѣстными, или даже какимъ-нибудь отцомъ церкви, глубоко изучившимъ богословіе и считающимся учителемъ церкви; ибо Павелъ, великій апостоль, преподавалъ намъ сохранять преданіе, дошедшее до насъ путемъ слова, или писанія святыхъ, прославившихся до насъ” (43).

Конечно, существуютъ и другія догматическія разногласія, касающіяся подробностей совершенія таинствъ, или другихъ доктринъ, какъ напр., исхожденія Святаго Духа и т. д. Но смѣю сказать, повторяя слова Лабрюера: “Все это разновидности, но совмѣстимыя”, или словами Св. Василия: “Затрудненія излечимыя”.

Этотъ короткій перечень основныхъ проблемъ, касающихся соединенія церквей, сдѣланный мною, не вызоветъ въ насъ слишкомъ радужныхъ надеждъ на успѣхъ этого великаго дѣла, которымъ въ настоящее время интересуется все человѣчество. Затрудненія лежатъ не въ той или иной доктринѣ, но въ различіи всей системы, проводимой каждой церковью. Переменить всю систему, переменить образъ мысли, къ которому мы привыкли въ теченіе многихъ вѣковъ, не легкое дѣло, и нельзя этого добиться сегодня или завтра. Но проповѣдывать истину, указывать на трудности — это уже значитъ служить въ какой-то мѣрѣ дѣлу соединенія. Мы должны вооружиться терпѣніемъ, если хотимъ придти къ цѣли. Не забудемъ, что Предвѣчный Богъ измѣряетъ времена инымъ мѣриломъ, нежели люди, преходящія поколѣнія. Божественная арифметика не похожа на нашу ма-

ленькую человѣческую арифметику. “У Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день” (II, Петръ, 3, 8). И наступитъ день Господень, когда всѣ будутъ едино и всѣ поймутъ, что Иисусъ Христосъ — вчера и сегодня и во вѣки вѣковъ; — когда поймутъ въ христіанскомъ смиреніи истинное ученіе Христа. Но что же намъ остается дѣлать, пока соединеніе церквей еще не осуществлено?

Англійскій епископъ Чарльзъ Горъ на Міровой Конференціи августа 1927 года, отвѣтилъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: “Если невозможно добиться соединенія церквей принятіемъ общаго символа вѣры, то лучше перестать дѣлать усилія въ этомъ направленіи и посвятить себя болѣе осуществимому дѣлу, т. е. нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, совершенно независимо отъ догматическихъ разногласій каждой церкви. Если намъ удастся работать совмѣстно на нравственномъ и общественномъ поприщѣ, то мы можемъ быть увѣренными, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ мы будемъ въ состояніи затронуть догматическіе вопросы и съ успѣхомъ обсудить ихъ”.

ПРИМѢЧАНІЯ

- 1) Ad monachos Aegypti Homélie I. P. 9. tome 77 col. 16
- 2) P. G. t. 62. Col. 83. Homélie XI Ephes. 3.
- 3) Одна изъ трехъ теорій о методахъ соединенія предложенная на World Conference on Faith and Order.
- 4) Я посвятилъ цѣлую работу, вышедшую на греческомъ языкѣ, изученію перемѣнъ, которыя могутъ происходить въ церкви. (Constantinople, 1918. Imprimerie « Hestia ».).
- 5) Главные члены этой делегации были: Гераклея, Филаретъ Валидесъ и нынѣ покойный профессоръ П. Комненосъ. Νέος ποιμήν годъ III (1921) стр. 528.
- 7) Chytraei, Oratio de statu Ecclesiarum, Francf. 1583. Νέος ποιμήν годъ V стр. 103.
- 8) Chr. Androutsos Συμβολίον Аоины, 1901, p. 50, 60.
- 9) Homélie XI, I Тимоф. п. I P. G. томъ 62, собр. 55.
- 10) « Orthodoxia » годъ II-ой (1927) стр. 308.
- 11) Contra haer. P.G. tome VII col. 848, 851, 966, 1056, 1177.
- 12) Epistola LV. P. L. tome III col. 802.
- 13) III homélie sur I. de Navé, P. G. t. XII, col. 84.
- 14) Homélie, cum extra ecclesiam deprehensus Eutropius n. 6 migne, tome 52, col. 402.

- 15) Homélie LXXXVIII, No 2, commentaire à l'Évangile de St.-Jean. P. G. tome 59, col. 423. Commentaire psaume V, 4, migne 55 col. 63.
- 16) XI homélie Eph. n. 4 migne 62, col 85.
- 17) Marteusen, Dogmatique, traduction française par G. Dugros, p. 532.
- 18) Épitre aux Trall. No 3. P. G. V col. 780.
- 19) P. L. tome IV col. 406.
- 20) V homélie sur le « vidi Dominium ». P. G. t. 56, col. 131.
- 21) II homélie, II Timoth. n. 2. P. G. 62, col. 610.
- 22) IV homélie, Coloss. No 2, P. G. 62, col. 327.
- 23) Traité de sacerdoce, III partie, P. G. tome 48 col. 643; см. еще наше « Union ou Rapprochement des Églises Chrétiennes ».
- 24) E. Kimmel, Monumenta fidei Ecclesiae Orientalis. A. p. 186, 436.
- 25) Ch. 22 Kimmel, partie II, p. 209. Нельзя признать всю мысль Кристопуло цѣликомъ, такъ какъ всегда и вездѣ можетъ случиться, что іерархи, духовные вожди, обременены грѣхомъ.
- 26) Киммель I часть, стр. 428. Ср. Androutsos стр. 193.
- 27) Исповѣданіе вѣры; опредѣленіе 15, Киммель op. cit. I ч.
- 28) VIII проповѣдь, I Кор. No 7. P. G. t. 61, col. 69 стр. 450.
- 29) Дѣянія Апост., проповѣдь XXIII п. 3. P. G. tome 60, col. 181.
- 30) Ch. Androutsos, op. cité, p. 268.
- 31) XVI опредѣленіе, Киммель, op. cit. I часть, стр. 454, см. также «Исповѣданіе Правосл. Вѣры» (Могила), вопросъ А, 102, *ibid.* ч. I. p. 172.
- 32) Apologia, 55.
- 33) Изложеніе Правосл. Вѣры, кн. IV, P. G. т. 94, кол. 1117.
- 34) P. Comnéos, *αἱ Ἀγγλικάνικαι Χειροτονίαι* 1921, стр. 12, прим. 2.
- 35) Изложеніе Прав. вѣры, кн. IV, гл. 13, P. G. томъ 94, кол. 1145.
- 36) LXXXII проповѣдь, Матѳ., No 5, P. G. т. 58, кол. 744.
- 37) XVII проповѣдь, Евр. No 3, P. G. т. 63, кол. 131.
- 38) Киммель, opus cit., ч. I, стр. 183.
- 39) Изложеніе правосл. Вѣры, кн. IV, P. G. т. 95, кол. 1151.
- 40) См. « Dictionnaire de Théologie Catholique », т. IV, ч. II, кол. 2178.
- 41) Ralli et Potli *Σύνταγμα ἱερῶν κανόνων* т. IV, стр. 283.
- 42) Дѣянія Апост. I проповѣдь, No I и II Фесс. IV проповѣдь.
- 43) Манзи, т. XVI кол. 160, 397. « Dictionnaire de Théol. Cath. » т. III, ч. II, кол. 1285. То же ученіе было разработано II Никейск. Собором (787). Манзи, XIII, кол. 429.

Геннадій Арабаджоглу,

Архіепископъ Геліопольскій.

Константинополь.

Фанаръ,